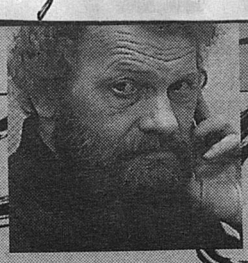

Александр Агеев

премия в другом жанре

газета — 2005 — 3 марта — с.24.

Итак, Александр Солженицын присудил свою премию этого года критику Игорю Золотусскому. Ежели с точки зрения корпорации критиков смотреть, так приятно: великий писатель земли русской еще чтит, оказывается, сей род литературной деятельности (критика имеется в виду) и полагает его не напрасным. Что же касается выбора и конкретной личности, то классик в своем праве: не спонсорские, а свои собственные деньги отдает, и тут никто ему не судья. Ответственный выбор следует уважать, хотя и прокомментировать его никто нам не запрещает.

> Человек (литератор, в частности) не обязан отвечать всем требованиям, которые возникают к нему у публики, по первому предъявлению. К примеру, отметился в начале пути дерзкими статьями, ну и что? Всю жизнь теперь поддерживать статус и выступать в том самом амплуа, в котором стал известен?

Игорь Петрович Золотусский — фигура в советско-российской критике знаковая. Блистал и гремел в 1960-х, был чем-то вроде тогдашнего «анфан-террибля», в 1970—80-х ушел, как и многие тогда, куда-то вроде «внутренней эмиграции». Критики в те годы (когда поняли, что высказываться в полный голос о проблемах современной литературы небезопасно) эмигрировали в литературоведение, в русскую классику XIX века. Лев Аннинский о Лескове писал, Владимир Турбин чуть ли не обо всех сразу великих, а Золотусский сделал книгу о Гоголе для популярной молодогвардейской серии «Жизнь замечательных людей», которая выдержала уже четыре издания. «Гоголеведов» в России много, у каждого было свое мнение по поводу творческого пути Николая Васильевича, так что Золотусскому мало не показалось. Но уж такая штука это самое литературоведение: к точным наукам не относится. Факты можно, конечно, проверить — архивы, документы, свидетельства современников и прочее, а вот за интерпретацию всего собранного материала изволь отвечать по полной программе. Золотусский выдержал, ответил, за что честь ему и хвала. Да и вообще, во времена всяческих мнимостей и виртуальностей поневоле уважаешь человека, сделавшего ВЕЩЬ. Даже если тебе не очень нравится, как она сделана. У меня в голове, предположим, несколько иной Гоголь, нежели в книге Золотусского, но ведь оба мы не были с Николаем Васильевичем лично знакомы, не присутствовали в живом контексте эпохи, стало быть, имеем право не на истину, а токмо на ее поиск. Можно так, а можно и этак. Важна при поиске в основном степень искренности, с какой литературовед берется за материал. Золотусский сделал тогда свое дело на очень высоком уровне искренности, и это не забудется.

С другой стороны, спрятавшись от застойных времен за спину Гоголя, критик (как и многие другие критики в то время) сильно потерял в темпераменте, стал осторожен в оценках современной литературы, которую все реже и реже читал (самые-самые «вершинные» вещи, игнорируя то, что сейчас называют мейнстримом). Когда уже началась перестройка, золотое для критики время, один из коллег Золотусского съязвил: дескать, Игорь Петрович первым вступает на уже разминированное минное поле.

И была своя правда в этой язвительности, хотя, должно быть, и неправда была. Человек (литератор, в частности) не обязан отвечать всем требованиям, которые возникают к нему у публики, по первому предъявлению. К примеру, отметился в начале пути дерзкими статьями, ну и что? Всю жизнь теперь поддерживать статус и выступать в том самом амплуа, в котором стал известен? Пишущие люди знают, какая это мука: ты уже три раза переменил кожу, а от тебя ждут чего-то подобного тому, что ты делал двадцать лет назад и что тебе уже навеки опротивело. Тут имеешь право огрызнуться и сказать: «А пошли вы все!» Может быть, и так правильно.

С другой стороны, странная судьба у Золотусского: когда в конце 1990-х наши критики вдруг решили собраться во что-то вроде «гильдии» (имею в виду Академию русской современной словесности, АРСС), все девять членов-учредителей (и я в их числе) определенно сказали: Золотусского у нас в Академии никогда не будет. Этакие жестокие дети, право, но, видимо, у каждого в памяти был какой-нибудь эпизод литературной или литературно-бытовой жизни, связанный с именем Золотусского, который простить ему было невозможно. Впрочем, не приняв в свое время Игоря Петровича в Академию, мы дали ему повод погордиться.

Дело-то вот в чем. В коллективе (даже таком полупризрачном, как наша Академия) тепло и семейственно, но бегать одиноким волком и плевать на всякие коллективы гораздо романтичнее. «Самость» ярче проявляется, «инакость» и прочее другое, связанное с комплексом романтических идей. В России ведь, если присмотреться, романтизм не умер — живее всех живых и вылезает из каждой щели, будь то закон, принимаемый парламентом, или манифест очередной литературной группы. Проблема эпохи, между прочим: объединяться в некие непрочные союзы с прагматическими целями или рыскать в одиночку (а цели и мотивы те же в принципе). Обе стратегии не очень симпатичны, но третьего пути никто еще не выдумал.

> А вообще премия Солженицына скучна. Сюжета нет, журналисты не тревожатся, решение слетает «сверху» без обсуждения. Богатый дядя дает бедному племяннику некоторое количество долларов. «Вспомоществование» — вот такое слово бытовало когда-то, и, похоже, премия Солженицына это самое и есть

А вообще премия Солженицына скучна. Сюжета нет, журналисты не тревожатся, решение слетает «сверху» без обсуждения. Богатый дядя дает бедному племяннику некоторое количество долларов. «Вспомоществование» — вот такое слово бытовало когда-то, и, похоже, премия Солженицына это самое и есть. Кто бы возражал против благотворительности? Но вот в чем дело: премия эта очередной раз манифестирует существование в России нескольких разделенных культур. Солженицын, как правило, отмечает людей, запомнившихся ему еще с 1960-х годов, и, собственно, провожает с почестями «уходящую натуру». С тех пор возникло много всего другого, но в поле зрения классика (и приближенных к нему лиц) другое не попадает, что печально. Всякая премия, раз уж она затевается, должна нести некую функциональную нагрузку, иначе она становится чем-то вроде пенсии, а это, простите, совсем другой жанр.